

## ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОТНОШЕНИЯ С БЛИЗКИМИ ЛЮДЬМИ

.....

А.Н. Кимберг, А.А. Таганова\*

Личностная идентичность представляет собой увлекательный феномен, который не оставляет равнодушным любого, кто в какой-то момент жизни им заинтересуется. Упоминание об идентичности отсылает человека к ряду вопросов «Кто я такой?», «Тот же я, что был и вчера?», «Не изменяю ли я сейчас чему-то важному для меня?» и даже «Где я нахожусь и что мне делать?». Нельзя сказать, что человек озадачен этими вопросами постоянно. Это было бы симптомом психической дезадаптации или, по крайней мере, кризисного психологического состояния (если, конечно, речь не идет о психологе экзистенциально-гуманистической школы, для которого вследствие профессионального габитуса это обычное состояние). Но точно так же у нас вызывает некоторое недоумение человек, который никогда не задавал себе этих вопросов. Он либо глуп, либо счастлив, либо удачно соединил в себе две эти благодати.

Вместе с тем отметим, что мы говорим сейчас об осознаваемой и рефлекслируемой субъектом идентичности. Но личностная идентичность представляет собой не только феномен осознания человеком своих индивидуальных и социальных качеств применительно к тому социальному контексту, в котором он находится (хотя большинство западных исследователей идентичности предпочитают рассматривать ее, прежде всего, как когнитивную репрезентацию селф, т.е. осознание субъектом своего Я в данном социальном контексте). Осознание опирается на определенность, которая имеет более глубокие основания, поскольку укоренена в социальном бытии и практиках человека, его истории, его отношениях с другими людьми.

---

\* Кимберг Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления. Электронная почта: kimberg@manag.kubsu.ru

Таганова Анна Александровна — кандидат психологических наук, преподаватель кафедры социальной психологии и социологии управления.

Можно сказать, что личностная идентичность есть ответ субъекта самому себе на вопрос «Кто ты (в данный момент, завтра, через год и т.д.) такой и что из этого для тебя вытекает?», и как всякий ответ она проявляется тогда, когда такой вопрос звучит. Но нет вопроса — нет и развернутого ответа, потому что зачем? И тогда мы говорим о *переживании* идентичности или, как писал Эриксон о «субъективно вдохновенном ощущении тождества и целостности» [12, с. 28]. Это радостное чувство здорового организма и действующего Я, не нуждающегося в ином отражении себя или выделении себя из бытия, кроме переживания полноты чувств и соответствия потоку жизни. Только посредством специального образования и настоятельных требований «остановиться и подумать» формируется рефлексивный навык и понятийный аппарат осознания себя и осмысленного выражения своего Я, что дает возможность обсуждать проблемы жизни человека.

Чувство идентичности сопровождает нас всю жизнь, мы переживаем его как оптимальное чувство «психосоциального благополучия», «ощущения себя в своей тарелке», и лишь в кризисные моменты нашей жизни оно может казаться нам «слишком осозанным». Оно достигает кульминации своей осознанности в подростковый период в форме переживания «острого осознания идентичности» [12, с. 175]. Конец детства — это как раз тот период, в котором и возникает психическая цельность, которую Эриксон назвал «чувством внутренней идентичности». В этот момент становится возможным проследить наличие связи между ощущением себя в прошлом, настоящем и будущем и между собственным представлением о себе и тем, как меня видят другие.

Формирование идентичности протекает большей частью бессознательно на всех уровнях психической деятельности. Данный процесс представляет собой «процесс одновременного отражения и наблюдения», в результате которого формируется особая психологическая конфигурация, состоящая из двух основных составляющих: собственной оценки себя в сопоставлении с оценкой его другими и оценки суждений других о нем в сопоставлении с тем, как индивид воспринимает себя в сравнении с этими другими, значимыми для него. Описанный процесс находится в постоянном изменении и развитии. Его можно представить в норме как процесс «постоянной дифференциации» по мере расширения круга значимых для индивида лиц: от матери до всего человечества. Процесс формирования идентичности продолжается всю жизнь индивида и «не кончается до тех пор, пока в человеке не гаснет способность узнавать другого» [12, с. 32].

На протяжении всего детства происходит пробная кристаллизация становящейся идентичности. Эриксон полагал, что ребенок идентифицирует себя со многими впечатляющими его фигурами своего окружения. Идентичность включает в себя все значимые идентификации, но изменяет их с целью создания чего-то единого и причинно связанного, отказываясь от одних, взаимно ассимилируя другие и объединяя их в новую конфигурацию. Эта развивающаяся конфигурация устанавливается постепенно на протяжении всего детства,

периодически синтезируя Эго из все новых и новых впечатлений опыта субъекта, и включает в себя конституционально обусловленные психологические свойства, устойчивые мотивы и потребности, социально одобряемые способности, значимые идентификации, эффективные механизмы защиты и последовательно осваиваемые социальные роли.

С этой точки зрения большое значение для изучения идентичности имеет среда, причем не только как объективный мир людей и их взаимоотношений, существующих вокруг индивида, но и внутренний мир значимых других и их отношений. «С точки зрения развития, — пишет Э. Эриксон, — прошлое окружение всегда присутствует в нас» [12, с. 33]. Идентичность — «это не доспехи», «не нечто статичное и неизменное» [12, с. 33]. Идентичность индивида «включает в себя, не исчерпываясь этим, сумму всех последовательных идентификаций, в тот ранний период, когда ребенок хотел, а часто и нуждался походить на людей, от которых он зависел» [12, с. 96]. Особенностью идентичности является ее медленное изменение и слабое осознание в детстве. «У ребенка в результате множества успешных пробных идентификаций начинают складываться ожидания по поводу того, что значит быть старше и что значит быть моложе, ожидания, которые становятся частью идентичности по мере того, как они, шаг за шагом, проверяются психосоциальным опытом». Описанные детские идентификации индивид подчиняет «новому виду идентификации, достигнутому в ходе социализации и соперничества со сверстниками». Этот новый единый гештальт уже «есть нечто большее, чем просто сумма его частей» [12, с. 166]. В процессе терапии и воспитания некоторые нежелательные идентификации могут быть заменены, хотя изначальное направление, в котором идет формирование идентичности, остается довольно устойчивым, что обеспечивает восприятие преемственности и последовательности Эго субъекта как им самим, так и окружающими.

Эриксон выделяет два главных фактора, на которых основана эго-идентичность и которые он называет «качеством существования». Во-первых, это ощущение тождества самому себе и непрерывность своего существования во времени и пространстве; во-вторых, это также то, что эти описанные тождество и непрерывность признаются окружающими, «значимыми другими» [12, с. 59].

Именно этот психологический механизм, постоянно соотносящий внутреннее и внешнее, фактор обеспечивает «избирательное выделение значимых идентификаций на всем протяжении детства и постепенную интеграцию образов “я”, достигшую кульминации в чувстве идентичности» [12, с. 219]. Он же закладывает самое динамичное и энергетически заряженное противоречие жизни человека: быть определенным, отличающимся от Других и автономным от них и одновременно быть признанным в своих качествах и своей целостности этими же Другими. Быть признанным Другими означает быть увиденным ими как самостоятельная сущность, причем именно в тех качествах, которые самому субъекту представляются как наиболее важные, центральные для его идентичности.

И.С. Кон был, как представляется, одним из первых отечественных исследователей, который детально обозначил эту проблему интерперсонального контекста становления и существования идентичности: «Хотя собственное “Я” кажется человеку первичной и самоочевидной реальностью, оно всегда осознается лишь в контексте какого-то отношения (“Я–Не-Я”, “Я–Другой”, “Я–Мы”, “Я–Мое”, “Я–Я”) и зависит от природы этого отношения. Чем абстрактней полюс, которому противопоставляется “Я”, тем меньше конкретности в нем самом. Так, оппозиция “Я–Не-Я” не содержит в себе ничего, кроме общего указания на идентичность. Рассмотрение “Я” в контексте отношений с другими людьми содержит в себе уже целый комплекс значений. “Я–Другой”... означает не только различие, но и потенциальное взаимодействие» [6, с. 10]. Само понятие «значимый другой» было широко использовано И.С. Коном в получивших широкую известность книгах «Открытие Я» [6] и «В поисках себя: личность и ее самосознание» [5].

Идентичность представляет собой нечто существенно большее, чем эпифеномен осознания себя действующим индивидом.

О. Кернберг видит идентичность как особую интрапсихическую структуру, которую характеризует следующим образом: «Субъективное переживание себя, вместе с его частными аспектами, самосознанием и саморефлексией, ощущением структурного единства и непрерывности во времени, чувством ответственности за свои действия, представляет нечто большее, чем субъективную фантазию. Оно образует интрапсихическую структуру; динамически обусловленную, внутренне согласованную, стабильную схему психических переживаний и контроля за поведением. Оно является началом для проявления различных психических функций, реализует себя в этих функциях и... постепенно приобретает в Эго руководящие функции. Оно представляет собой интрапсихическую структуру высшего порядка, природа которой подтверждается в поведении, выражается в формировании характера и в человеческой глубине и моральной определенности в отношениях с другими людьми» [2, с. 32]. В качестве основного фактора и базиса нормальной идентичности Кернберг называет интерсубъективность — опыт длящихся отношений субъекта с значимыми Другими.

Хезел Маркус прямо указывает на важную роль личностной определенности (в ее терминологии – концепции селф) в регуляции социального поведения человека: «Индивидуальное поведение регулируется комплексом динамических структур (схем селф, возможных селф, эго-задач, стратегии, скриптов, стандартов и прототипов), которые в текущий момент активированы в рамках рабочей концепции селф» [14, р. 314].

Мы полагаем, что личностная идентичность выступает как совокупность психологических и социально-психологических ресурсов, а также ведущих мотивов человека, организуемых в своей «надводной части» рефлексивной репрезентацией себя — концепцией селф. Идентичность, таким образом, является

более объемлющим понятием, чем ее когнитивный аспект, фиксируемый термином «концепция». Она охватывает собой основные характеристики действующего в социальном мире субъекта.

Резюмируя обзор исследований по выделенным нами аспектам идентичности, следует отметить, что идентичность в существенной мере выступает как интерперсональный по происхождению феномен. С одной стороны, это характеристика того состояния определенности в мире, в котором актуально находится человек. С другой стороны, идентичность есть определенность в отношениях человека с миром, среди которых наиболее существенными оказываются отношения с другими людьми. Они переживаются как особые сущности, обеспечивающие поддержание, восстановление или укрепление организации опыта Я субъекта. Взаимодействие различных личностей как по-разному организованных взаимодействующих субъективных миров представляется основным механизмом становления личностной идентичности. Содержание и характер этих отношений определяют становление идентичности, но с определенного момента сама актуальная идентичность субъекта становится фактором, влияющим на особенности его отношений с близкими людьми. Таковыми обычно являются родители, прежде всего мать, отношения с которой оказываются жизненно важными в первые годы жизни ребенка, отец, влияние которого имеет особый, но значимый характер, и группы сверстников, дополняющие то микросоциальное окружение, в котором происходит становление идентичности как особого интерсубъективного феномена.

Особо напряженная работа по становлению идентичности происходит в юности, в период установления устойчивых и определенных отношений с обществом и определения перспектив своего развития. Кризисность или сложность формирования идентичности на отдельных этапах связана с тем, что называется сменой поколений. Недостаточная определенность ценностей и направлений движения и идеалов старшего поколения создает трудности для понимания себя младшим поколением. Идеалы старшего поколения могут быть использованы для принятия и следования им либо как точка отсчета для корректировки собственного видения жизни. Но в любом случае отчетливо сформулированная позиция социализирующей и воспитывающей среды облегчает принятие и определение собственной роли в жизни.

Что же получается в результате скрытой от внешнего наблюдателя, «тихой», но постоянной работы формирования идентичности? Как различаются и систематизируются сложившиеся на данный момент идентичности разных людей? Несмотря на уникальность личностной идентичности конкретного человека в данный момент, у нас есть способ сравнивать и классифицировать идентичности. Это можно делать по признаку сформированности или устойчивости идентичности и по способу ее формирования. Джеймс Марсиа в свое время выделил четыре типа (или статуса) идентичности: 1) *диффузную*, или спутанную *идентичность*, которая характеризуется ситуативностью, противоречивостью и, главное, неустойчивостью; 2) состояние *моратория*, когда молодой человек

не может прийти к определенности в своей жизни и предпочитает продолжать экспериментировать в различных ее областях, не принимая на себя каких-либо обязательств; 3) *предопределенную идентичность*, которая реализует в себе установки и ценности родителей или авторитетных взрослых; 4) *достигнутую идентичность*, которая обретается субъектом после многочисленных проб и поисков в различных областях реальности и содержит в себе уже и взятые на себя обязательства по отношению к сделанным выборам. Данная теоретическая модель хорошо проработана в западной и отечественной литературе [11; 13]. Поэтому мы также используем ее в настоящей работе, не обсуждая ее более детально.

### Понимание Других и отношения с ними

Понимание считается одним из условий большинства (если не всех) процессов межличностного взаимодействия. Но что есть понимание? Словарные определения, концентрирующие устоявшееся значение термина, дают следующее описание: понимание — это (1) способность постичь смысл и значение чего-либо и достигнутый благодаря этому результат; (2) вызванное внешними или внутренними воздействиями специфическое состояние сознания, фиксируемое субъектом как уверенность в адекватности воссозданных представлений содержанию воздействия. Без понимания как особого состояния субъекта невозможно продолжение общения, координация действий и какие-либо другие осмысленные действия и воздействия. Так разъясняет суть понимания один из психологических словарей [8].

Понимание социальных событий человеком обычно опирается на три взаимосвязанных убеждения, касающиеся отношения между собственным субъективным опытом человека и природой породивших этот опыт явлений. Первое из них состоит в убежденности субъекта в том, что он видит объекты и события такими, каковы они в действительности, а его убеждения, предпочтения и приоритеты проистекают из непосредственного и реального понимания встреченных им данных или информации.

Второе убеждение состоит в том, что и у других рациональных наблюдателей возникнут в основном те же, что и у субъекта, реакции, действия и мнения при условиях, что им была доступна та же информация, что и ему, и что они переработали эту информацию достаточно вдумчиво и непредубежденно.

Третье убеждение заключается в том, что неприятие другим человеком точки зрения субъекта может быть вызвано либо недостаточностью или искаженностью у него информации о событии, либо неспособностью его в силу ограниченности интеллекта, личного опыта или навыков анализа логически прийти к разумным заключениям на основе объективных данных, либо его тенденциозности в интерпретации фактов или в переходе от фактов к выводам под влиянием идеологии, эгоистических устремлений или какого-либо другого искажающего личностного фактора.

Эти принципы являются основой наивного реализма — главного способа интерпретации людьми событий повседневной жизни. В первом принципе, по сути, содержится утверждение о том, что я вижу мир таким, каков он есть, а значит, мои убеждения, предпочтения и следующие за ними действия зависят в значительной мере от непосредственного восприятия релевантных стимулов и фактов. Во втором принципе сформулировано положение о том, что другие рациональные и разумные люди (при условиях, что им были предоставлены те же самые стимулы и информация, что и мне, и они обработали эту информацию достаточно вдумчиво и объективно) получают тот же субъективный опыт, продемонстрируют те же реакции. Одним из эмпирических доказательств правильности этих принципов является склонность людей, осуществляющих тот или иной выбор, считать свой выбор более распространенным и более «нормативным» (т.е. не зависящим от личностных качеств и особенностей), чем это считают люди, сделавшие противоположный выбор.

Третий принцип наивного реализма, который выводится из двух предыдущих, касается интерпретации наивным реалистом различий в реакциях и разногласий по различным проблемам. Убеждение наивного реалиста, что он воспринимает объекты и явления «естественным образом», видит их такими, какими они являются в действительности, приводит его к выводу, что мнения и реакции других субъектов, отличные от его собственного, должны быть основаны на чем-то ином, не связанном с «естественной», непосредственной регистрацией объективной реальности. Таким «иным» может быть «место» или позиция Другого в системе социальных или интерперсональных связей. В этом контексте понимание означает такое отношение к Другому, когда он признается в существенных («человеческих») характеристиках таким же как субъект, а сам субъект полагает возможным для себя оказаться в той же позиции, что и его визави по отношению понимания [3].

Подход М. Вебера к способам теоретического анализа действий стал важнейшей методологической основой изучения социального действия. Вебер предлагал рассматривать термины «понять» и «интерпретировать» как основные дефиниции понимающей социологии, поскольку он определял социологию как науку, которая ориентирована на интерпретативное понимание социальных действий и причинное объяснение предпосылок и последствий [1]. А эти причины могут быть обнаружены в субъективном значении события для его участников. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы понять эти значения. Понять — значит выяснить субъективные значения событий, которые заданы широким культурным контекстом ситуации, считает Вебер.

Особый подход к феномену понимания в связи с личностными характеристиками субъекта понимания реализуется В.А. Лабунской. Теоретически и эмпирически обосновав понятие «субъект затрудненного общения», она связала межличностный феномен затрудненного общения с такими характеристиками личности, которые явно соотносятся с содержанием различных состояний

(статусов) идентичности. Так, субъекта затрудненного общения отличают низкий уровень способности понять другого человека, эгоцентрическая направленность эмоциональных переживаний, низкий уровень способности к идентификации, недоверие к людям и миру в целом, несбалансированная структура личности, неспособность преодолевать кризисы развития [9; 10].

Итак, мы можем определить понимание как проникновение во внутренний мир человека, отождествление с ним в такой степени, что становятся ясными отношения человека со значимыми для него явлениями мира. Постановка себя в точку пресечения всех мыслимых отношений Другого означает овладение структурой его ценностного мира, субъективной значимостью выделяемых им элементов и субъективной вероятностью его поступков. Как о производном факте или следствии можно говорить об овладении системой оценок человека.

В ситуации взаимодействия субъекта с лицами ближайшего социального окружения понимание их субъектом можно рассматривать как постижение им отношения Других к общим для них событиям. Мы будем считать пониманием другого человека такое рефлексивное состояние субъекта, когда он может отразить (воспроизвести, моделировать, эмпатировать и т.д.) отношения Другого к существенным для него предметам и событиям мира. Операциональным проявлением понимания тогда можно полагать достаточно точное воспроизведение понимающим субъектом тех оценок, которые Другой дает некоторым доступным для их совместного наблюдения явлениям.

### **Понимание значимых Других: эмпирические результаты**

А.А. Тагановой было проведено исследование в 10-х и 11-х классах одной из типичных средних школ г. Краснодара. Каждому испытуемому предлагалось оценить по десятибалльной шкале степень выраженности у него/нее некоторых личностных качеств (список из десяти социально одобряемых и не одобряемых качеств предьявлялся экспериментатором), а затем предположить, как выраженность этих же качеств у него/нее оценили бы родители (отдельно мать и отец) и каждый из одноклассников. Индивидуальные интервью проводились с родителями: их просили оценить испытуемых по тому же списку качеств. После отсеивания тех испытуемых, от которых в течение месяца не удалось собрать всех предусмотренных программой исследования данных, сформировалась выборка из 136 испытуемых (66 девушек и 70 юношей) из полных семей в возрасте от 15 до 17 лет. Таким образом, мы получили возможность оценить по каждому испытуемому сходство его представлений о том, как его оценивают по важным личностным качествам значимые Другие с реальными оценками этих Других (сходство фиксировалось при значениях коэффициента корреляции Пирсона больше 0,3).

Анализ показал, что уровень межличностного понимания юношами и девушками различается в зависимости от состояния идентичности субъекта по-



нимания и от характера его отношении с другими людьми\*. Последний, как представляется, во многом определяется общностью жизненной ситуации, в которой находится субъект с Другими, и сходством позиции, которые они в этих ситуациях объективно занимают. В этом смысле сверстники-одноклассники оказываются для субъекта в целом более понимаемыми партнерами в межличностных отношениях чем мать и отец (см. таблицу). Дифференцированными оказываются и отношения с родителями. Отношения с матерью характеризуются, как правило, большим уровнем понимания, чем отношения с отцом. Вместе с тем высокий уровень понимания матери в целом по выборке показывает около половины испытуемых.

Статус идентичности и понимание со стороны значимых Других, %

Статус идентичности	Понимание		
	матерью	отцом	сверстниками
Диффузная	40	26	60
Предопределенная	58	50	50
Мораторий	24	35	71
Достигнутая	50	38	91

Кроме того, само актуальное состояние личностной идентичности испытуемых также влияет на их способность понимать других людей. Так, доля юношей и девушек, хорошо понимающих мать, различается в группах разного статуса идентичности. Наименьшее понимание мы находим в статусе моратория, где только четвертая часть испытуемых может быть отнесена к понимающим мать. Два статуса идентичности связаны с более высоким пониманием матери — это предопределенная идентичность и достигнутая идентичность. Однако надо отметить, что даже среди испытуемых с предопределенной идентичностью только несколько менее двух третей юношей и девушек можно признать хорошо понимающими своих матерей.

Понимание отца в меньшей степени колеблется в связи со статусом идентичности испытуемых. Только статус предопределенной идентичности обнаруживает более высокое понимание, но и здесь различия не достигают принятого уровня значимости (вероятность ошибки — 0,3), причем понимание отца юношами и девушками закономерно ниже, чем понимание матери во всех статусах идентичности, кроме статуса моратория.

Понимание сверстников существенно отличается от понимания родителей. Во-первых, уровень понимания испытуемыми сверстников почти во всех статусах оказывается значимо ( $p \leq 0,05$ ) выше, чем понимание родителей.

Во-вторых, в статусе моратория, когда понимание родителей оказывается ниже, понимание сверстников достаточно высокое и, вероятно, обеспечивает

\* Приводятся общие данные по выборке, поскольку значимых гендерных различий по данному показателю понимания значимых Других обнаружено не было.

юношам и девушкам необходимую психологическую поддержку в переживании причастности другим людям. Но более всего понимание сверстников развивается в статусе достигнутой идентичности, когда у субъекта есть личный опыт поиска и осознания своей позиции в мире и опыт успешного переживания кризиса определения себя. В этом смысле статус достигнутой идентичности оказывается наиболее открытым для принятия и понимания Других.

Несколько большее понимание юношами и девушками матери отражает сложившееся в нашем обществе соотношение социализационных функций в семье. Известная теоретическая модель статусов идентичности подтверждается и тем, что понимание родителей молодыми людьми, принявшими основные жизненные ценности и цели родительской семьи, значимо выше, чем в иных состояниях идентичности. Интересно, что хотя понимание матери, как правило, выше, чем понимание отца, в состоянии кризиса идентичности и усиленной поисковой активности в определении себя в мире взаимопонимание с ней оказывается для молодых людей меньшим, чем понимание отца. Отец выступает более ясно представленной фигурой в пространстве ценностей и целей, и его оценки и отношения, вытекающие из них, более понятны.

Не менее интересно и то, что в состоянии достигнутой идентичности, когда молодой человек в существенной мере определился со своими жизненными целями и ценностями, доля испытуемых, хорошо понимающих отца, оказывается значимо меньше, чем для статуса predeterminedной идентичности.

Таким образом, можно констатировать, что уровень понимания субъектом тесно взаимодействующих с ним Других связан в известной степени с его статусом идентичности, но связь эта определяется также особой позицией каждого значимого Другого по отношению к субъекту. Мы не можем однозначно говорить о том, что с движением субъекта к достигнутой идентичности растет его уровень понимания других людей.

Каждый статус идентичности, скорее, следовало бы рассматривать как определенное позиционирование субъекта относительно индивидуальной для него системы значимых Других. В одних позициях внимание субъекта к другим людям возрастает и его представление об их оценках некоторых значимых явлений совместных ситуаций оказывается очень точным. В других позициях принятая субъектом и осознанная им собственная позиция, особенно недавно приобретенная, вызывает тормозящий эффект, замедляя понимание системы отношений и позиций других людей, даже таких постоянно наблюдаемых, как родители.

Полученные нами данные также подтверждают общий типично невысокий уровень понимания людьми друг друга при взаимодействии в рамках общей для них ситуации [4].

Представляется, что те статусы идентичности, которые связаны с принятием субъектом обязательств относительно некоторых жизненных выборов и занятием определенной позиции, в большей степени зависят от понимания

других людей. При этом не так важно, каков был путь субъекта к принятым вариантам выбора: проходил ли он через период поиска и личностного кризиса или же молодой человек легко и предопределенно последовал за родителями или иными авторитетными лицами своего окружения в уже намеченном направлении жизненных целей. Полученные данные показывают, что и принятая идентичность, и достигнутая идентичность являются достаточно эффективными основаниями для хорошего понимания других людей. Традиционное для западной психологии наделение достигнутой идентичности особо позитивным статусом по отношению к предопределенной идентичности не нашло подтверждения для исследуемых нами аспектов понимания значимых Других.

### Статус идентичности и структура ценностных отношений субъекта

Отношение к Другому и его понимание зависят от того, каким содержательно является сам субъект. Статусы идентичности, выделенные Дж. Марсиа, основаны на формальных характеристиках, но представляется, что они могут иметь и устойчивое содержательное наполнение. Мы попытались установить содержательные характеристики идентичности юношей и девушек, рассматривая связь статусов идентичности и ценностных ориентаций молодых людей. Ценности выступают как одни из наиболее проработанных и артикулированных социумом ориентиров развития молодого человека, а расстановка субъективных приоритетов ценностей может стать одним из наиболее общих личностных актов выбора и самоопределения. Поэтому дополнительным средством описания и создания психологической модели различных статусов идентичности, на наш взгляд, может быть исследование структуры ценностных ориентаций юношей и девушек, находящихся в различных состояниях (статусах) идентичности.

Сами ценности, в оценке которых определялись испытуемые, могут рассматриваться как переменные, порождающие реакцию оценочного отношения. Поскольку внутри групп испытуемых предположительно существует различие в ценностном отношении, то представляет интерес структура этого отношения. Для прояснения этого вопроса был проведен факторный анализ массивов ранжированных испытуемыми рядов ценностей, выполненный для групп с разным состоянием личностной идентичности (метод центральных компонент, ВАРИМАКС-вращение). Совокупность факторов, выделенных для той или иной группы испытуемых, характеризует типичный для них способ воспринимать и оценивать некоторые явления мира как связанные в какое-то убедительное для субъекта ситуативное единство, когда они каким-то образом влияют друг друга, либо одновременно усиливая друг друга, либо находясь в реципрокных отношениях.

Для группы испытуемых в статусе *диффузной идентичности* ценности группируются в три хорошо выраженных блока. Они имеют содержательно определенный характер. Первый фактор представляют три ценности с сущес-

твенно нагруженными положительными факторными весами: религия (0,933), политика (0,783), будущая семья (0,600). Речь, скорее всего, идет о публичном представлении или заявлении испытуемыми своих взглядов или намерении соответствовать каким-то публичным нормам. Этот фактор получил рабочее название «публичная мораль».

Второй фактор представляют следующие ценности: мои друзья (0,850), свободное время (0,807), личные ценности (0,762). Он объединяет субъективно существенные ценности и, судя по собранным вместе ситуационным компонентам, относится к проведению совместного времени. Известно, что внешне бессодержательное общение является одной из отличительных черт структурирования времени подростками [7], но вполне может оказаться и тем, что заполняет жизнь не слишком мотивированных на развитие юношей и девушек. Этот фактор получил рабочее название «личная жизнь».

И наконец, третий фактор объединяет две переменные с высокими положительными весами: будущую профессию (0,867) и родителей (0,796). Объединение как ценности будущей профессии и родителей позволяет предполагать, что этот конструкт характеризуется ожиданиями родителей относительно профессионального выбора сына или дочери. Принятие требований родителей означает здесь принятие ценностного отношения к предлагаемой ими профессии и наоборот. Такое объяснение основания для сопряженной вариации значений переменных представляется возможным, поскольку и в этом случае речь идет не о реальном деятельностном отношении, а о принятии некоторых вербальных способов обозначения отношения к профессии, эта связь поддерживается достаточно просто. Поэтому данному фактору нами было дано условное обозначение «требования родителей».

Для группы испытуемых в статусе *принятой идентичности* переменные сгруппировались иным образом: первый фактор объединил с положительными весами ценности свободного времени (0,895), интимных отношений (0,731), а с отрицательными весами — родителей (-0,931) и будущую семью (-0,596). Здесь прослеживается тот же ситуативный принцип организации ценностей: часть из них оказывается в ситуации желаемыми целями, часть условиями, способствующими или препятствующими достижению целей. В этом смысле для данной группы испытуемых и родители, и поддерживаемый ими образ будущей семьи выступают как ограничители (реальные или ментальные). Таким образом, оценочное отношение оказывается довольно точной моделью ситуации. Примечательно также, что любовь как ценность в данный фактор не вошла. Рабочее название фактора — «интимность».

Второй фактор объединяет выбор профессии (0,865) и личные ценности (0,694), а с отрицательным весом — будущую семью (-0,574). Вероятно, испытуемые этой группы в актуальный период жизни создание семьи рассматривают как препятствие развитию профессиональной карьеры. Вместе с тем личные ценности здесь оказываются тем или иным образом связаны с будущей

профессией. По крайней мере, и успешный выбор профессии, и следование личностным ценностям в данной группе выступают как внутренне связанные вещи. Рабочее название фактора — «карьера».

Третий фактор собирает вместе положительно нагруженные ценности — политику (0,771), религию (0,645) и друзей (0,622) и отрицательно нагруженные — любовь (–0,950). И политика, и религия, и отношения с друзьями могут выступать как задачи личностной определенности в открытом социальном пространстве. Оценочный конструкт, возникающий здесь, может быть понят как публичная активность в противоположность глубоко личным интимным отношениям. Рабочее название фактора — «публичная активность».

Для группы испытуемых в статусе *моратория* переменные также выглядят особым образом. Их отличает в первую очередь то, что выделенные факторы образованы во многом отрицательными весами. Первый фактор основан на одной переменной с высокой положительной нагрузкой — интимные отношения (0,828) — и двух переменных с отрицательным весом — родители (–0,842) и друзья (–0,719). Здесь мы, видимо, также имеем оценочное отношение, основанное на интегральной оценке ситуации с выделением двух ограничивающих ее развитие условий. Примечательно, что испытуемые в статусе моратория стремятся скрыть свою исследовательскую активность в разных сферах жизни, в частности, в сфере интимности, не только от родителей, но и от друзей. В этом плане индивид в состоянии моратория выглядит не только не укорененным в сложившихся ценностях и принципах, но и одиноким.

Второй фактор основан на положительно нагруженной ценности «любовь» (0,925) и отрицательно нагруженных ценностях — будущая семья (–0,696) и свободное время (–0,642). Восприятие любви отдельно от интимных отношений (они попали в другой фактор) и от ответственности за близкого человека (отрицательно нагруженная ценность «будущая семья» в данном факторе) дают странную, но, видимо, показательную для состояния моратория картину внутреннего мира молодого человека.

Третий фактор основан на таких положительно нагруженных ценностях, как политика (0,701), свободное время (0,526), и на отрицательно нагруженных — религии (–0,512) и будущей профессии (–0,833). При некоторой затруднительности объединяющего описания этого оценочного конструкта все же представляется, что на главную линию его понимания влияет ось положительной оценки политики и отрицательного веса будущей профессии. Отметим, что отрицательно нагруженные по данному фактору полюса связаны с личной ответственностью субъекта либо перед объективной реальностью (профессия), либо перед Богом. Политика как обсуждение возможного часто выступает противоположностью определенности, обусловленной выбором профессии и началом пути по ее достижению.

Для группы в статусе *достигнутой идентичности* первый выделенный фактор возникает вокруг такой ценности, как будущая семья (0,886), и с от-

рицательными значениями включает личные ценности ( $-0,592$ ) и свободное время ( $-0,782$ ). Будущая семья выступала как одна из субъективно высоко значимых ценностей и в ранжировании списка ценностей. Следует отметить несколько странное, но, возможно, оправданное логикой субъективного конструкта понимание семьи как явления, тормозящего реализацию личных ценностей и потребление свободного (т.е. направляемого на собственные активности) времени. Появление такого фактора может говорить о внутренне принятых обязательствах по отношению к возможной семье, ради которых менее существенные вещи могут быть отодвинуты на второй план. Сам по себе акт принятия обязательств, который сильно нагружен в концепции статусов идентичности Дж. Марсиа и его учеников, не находит у них содержательного раскрытия. Между тем принятие обязательств может означать также и установление приоритетности направления ресурсов личности, и готовность преодолевать трудности для достижения принятых целей или обеспечения развития в избранном направлении.

Второй фактор с положительными весами объединяет любовь ( $0,720$ ) и интимные отношения ( $0,751$ ) и с отрицательными весами — политику ( $-0,523$ ) и будущую профессию ( $-0,749$ ). Эта характеристика испытуемых в статусе достигнутой идентичности представляется нам особо важной. Определенность в какой-то части жизненных выборов и связанная с ней большая личностная зрелость приводят эту группу испытуемых к снятию разрыва между различными аспектами межличностной интимности. Если считать, что согласно периодизации Э. Эриксона именно в ранней юности может происходить освоение полноценной человеческой интимности, то испытуемые группы достигнутой идентичности проявляют признаки успешного прохождения этого процесса. Интимность в данном факторе отчетливо противопоставляется публичности, что и может быть зафиксировано как его основное определение.

Третий фактор основан на положительном вкладе ценности религия ( $0,680$ ) и отрицательных весах ценности родители ( $-0,713$ ) и друзья ( $-0,799$ ). Достигнутая идентичность включает как одну из своих неотъемлемых характеристик способность определяться в существенных сферах бытия в результате собственного поиска и критического анализа открывающихся возможностей. При этом ценным считается именно собственный результат, а влияния близких людей часто не принимаются. Одной из важных сфер самоопределения для современных молодых людей, живущих в обществе с размытой идеологией и неясными целями, становится отношение к религии. Поэтому как рабочее название данного фактора подходит «духовное самоопределение».

Полученные данные свидетельствуют о том, что субъекты, находящиеся в разных состояниях (статусах) идентичности, имеют разные структуры ценностного отношения к миру. Если исходить из сформулированного нами определения понимания, то на более глубоком уровне сходство ценностного отношения к миру могло бы рассматриваться как один из ведущих механизмов понимания.

Итак, особенности идентичности (в нашем случае — статусы идентичности) можно отнести к числу существенных факторов, определяющих характер отношений субъекта с другими людьми. Как показало исследование, понимание по-прежнему очень важно для людей. Но чтобы понимать Другого и быть понятым им, надо самому быть Кем-то, т.е. иметь идентичность высокого уровня определенности.

### **Библиографический список**

1. Вебер М. Понятие социологии и «смысла» социального действия // Избранные произведения. М.: Наука, 1990.
2. Кернберг О.Ф. Агрессия при расстройствах личности / Пер. с англ. и науч. ред. А.Ф. Ускова. М.: Класс, 1998.
3. Кимберг А.Н. О возможности применения категории «отношение» в концепциях идентичности // Личность и бытие: теория и методология: Матер. Всеросс. науч.-практ. конф.. Краснодар: КубГУ, 2003.
4. Кимберг А.Н., Улько Е.В. Субъективные интерпретации ситуации общения // Психология общения: социокультурный анализ. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003.
5. Кон И.С. В поисках себя: личность и её самосознание. М.: Политиздат, 1984.
6. Кон И.С. Открытие Я. М.: Политиздат, 1978.
7. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
8. Краткий психологический словарь / Под ред. В.В. Рубцова. М.: Политиздат, 1985.
9. Лабунская В.А. От проблемы затрудненного общения к постановке проблемы «субъект затрудненного общения» // Психологический вестник. (Ростов н/Д). 1997. Вып. 2.
10. Лабунская В.А., Менджерницкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: Учеб. пособие. М.: Академия, 2001.
11. Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и её структурные особенности. М., 2001 // <http://pavolga.narod.ru/identity.html>
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
13. Marcia J.E. Identity and Psychosocial Development in Adulthood // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2002. Vol. 2. № 1. P. 7–28.
14. Marcus H., Wurff E. The Dynamic Self-Concept: Social-Psychological Perspective // Annual Review of Psychology. 1987. Vol. 38. P. 299–337.